

The book cover features a central illustration of a young man with dark, wavy hair and a mischievous, wide-eyed grin. He has a glowing blue mark on his right cheek and is surrounded by intense red and orange flames. In the background, two dark, demonic creatures with glowing red eyes and sharp teeth are visible. The title is written in large, stylized white Cyrillic letters at the top.

По прозвищу Чумной

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Миранда Грин

18+

Миранда Грин

По прозвищу "Чумной"

«Автор»

2026

Миранда Грин

По прозвищу "Чумной" / Миранда Грин — «Автор», 2026

Что общего у имперского инквизитора и некроманта из далёкого космоса? Кроме взаимной природной ненависти, пожалуй, ничего. Но можно поискать общие интересы. Особенно если одному не дают нормально воскреснуть, а второй слишком хочет жить, даже если на принципы придётся плюнуть, когда новая жизнь заставит освоить и магию, и космос. Впрочем, к новым обстоятельствам прилагается-таки возможность вернуть отнятое у предшественника имущество, а там и шанс вернуться домой появится.

© Миранда Грин, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Упокой, Господи...	10
Неунывающий	15
Неудачник?	20
Новое знакомство	25
Оператор	30
Вам здесь не рады	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Миранда Грин

По прозвищу "Чумной"

Пролог

Инквизитор не собирался убегать: не видел смысла тратить силы на заведомо провальную борьбу, предпочитая встретить смерть стоя и забрать с собой как можно больше магов. Желание с одной стороны похвальное, в духе кодекса, но в тоже время – порицаемое, ведь никаких высоких мыслей об общем благе в его голове в тот момент не было. Только глухая ярость, грозящая пожрать его душу раньше, чем та расстанется с телом – чувство, бывшее для инквизиторов под запретом.

“Ярость должна быть чистой и холодной, лишённой и намёка на месть, личный интерес или, упасите боги, удовольствие”. Он слышал это едва ли не каждый день, с того момента, как начал хоть немного понимать человеческую речь. Все эти дни приходилось делать вид, что он следует правилам, что он хороший, правильный инквизитор. Теперь, перед лицом смерти, можно было перестать притворяться. Пусть ему не так много лет по человеческим меркам, тела инквизиторов изнашиваются быстрее, люди слабы и плохо переносят нисходящую на них божественную энергию. Болеют, разрушаются, умирают. В отличие от тех, кто сейчас идёт по его следу.

Маги, да отвернуться боги от своих потерявших стыд потомков, несли в себе каплю божественной крови. Всего каплю, иногда практически растворённую в человеческом наследии, но и её хватало, чтобы породить подобное чудовище. Маги жили невероятно долго и мнили себя новыми богами, из-за чего и впали в немилость у своих же прародителей. В храме всех божеств оказалось слишком тесно.

Инквизитор довольно оскалился, расслышав в коридоре наполовину разрушенного замка шаги и голоса, привалился к стене, позволяя себе пару раз вздохнуть, пока есть такая возможность. Сила, способная подавить магию, сделать из её пользователя простого смертного, стремительно закипала внутри, набирала мощь, от которой трещали кости. Ещё немного – и осколки рёбер вопьются в лёгкие, лишая надежды на выживание. Немеющие пальцы отработанным движением принимают перебирать костяные бусины на запястье: слова ему уже не нужны, но успокоить радующийся последней битве разум просто необходимо. Он же не хочет уйти просто так, не оставшись самым страшным воспоминанием своих преследователей?

Он не был лучшим из инквизиторов. Жестокий? Был такой грешок. Принципиальным? Может быть. Азартным в своей охоте? Совершенно точно. Возможно, слишком азартным, что мешало ему быть просто правильным вопреки всем стараниям. Зато сейчас, когда можно было с чистой совестью отпустить себя, ему наконец-то удаётся поймать это состояние чистой ярости, о котором все твердили. Молодой мужчина с лицом старика улыбается совершенно счастливо. Наконец-то ему в этом благородном деле перестала мешать капля магической крови, доставшаяся от отца. Печально, борец с магической чумой и сам был в каком-то смысле магом. “Чумной” инквизитор, какая мерзость!

– Вот ты где! – из-за угла вылетает коротко стриженная девица.

Ведьма хороша, как и все представительницы этого проклятого племени. Настолько, что старинный, времён основания инквизиции, анекдот про “Хорошо, но потом – сжечь” анекдотом является от силы на треть. И не сказать, что сами колдуньи были против: кто-то надеялся обмануть наивный инквизиторский молодняк, обаять и влюбить в себя доверчивого юнца, а кто-то понимал весь кошмар ситуации и просто торговался за условия получше и смерть побыстрее. Нет, в семье, конечно, не без уродов, были и случаи искренних влюблённостей, но

они могли бы стоять в одном ряду с набожными колдунами. Исключение, подтверждающее общее правило. Всем известно, что наделённые магией любят только себя.

– Иди сюда, красивая, я хоть и устал, но на тебя меня хватит! – удерживать дробящую кости силу внутри становится всё тяжелее, но он должен подманить эту нелюдь поближе, чтобы всё получилось как надо.

Глаза ведьмы недобро вспыхивают, темнея практически до черноты, словно отражая её душу. Вернее, отсутствие души, всем известно, что у таких как она душ нет. Маги – воплощённый порок древних божеств, от которого они пытались избавиться, который принял человеческую форму, обманув небожителей. Магичка шагает к инквизитору, плавно, словно кошка, охотящаяся на слишком крупную и осторожную птицу. Мужчина бросает ещё пару похабных комментариев, уже не слишком понимая, что несёт, ему нужно лишь вывести её из себя, заставить пройти ещё пару шагов. Она должна желать снести ему голову лично.

В груди начинает булькать, но дрессированная воля не позволяет свалиться на пол, позорно сползти по стене. На его счастье, ведьмочка достаточно молода, чтобы вестись на такие провокации. Когда та оказывается совсем рядом, инквизитор сжимает на тоненьком запястье пальцы, хватку которых сможет расцепить только его смерть, до которой остались считанные минуты. Вторая рука ложиться на белое горло девицы, с удовольствием его сжимая. Он мог бы раздавить, заставить все хрящи осыпаться костяной крошкой, если бы сжал чуть сильнее, но ему нужно лишь, чтобы она хватала ртом воздух.

Собственная сила обжигает горло, будто он попытался выпить огонь, инквизитор облизывает пересохшие губы окровавленным языком, прежде чем впиться ими в распахнутый в поисках воздуха рот ведьмы. Он не успеет, не дождёт остальных, но стриженная брюнетка станет живой ловушкой для себеподобных. Она пытается отбиться от него свободной рукой, но теперь инквизиторская энергия сжигает их обоих, только вот ему скоро станет не больно, а она умрёт последней, сперва отравив весь свой ковен, с которым связана на уровне магии. От девицы тянет полынью и чем-то тяжёлым, присущим всем колдунам, инквизитор начинает различать запахи, когда последние капли сил его всё-таки покидают. У ведьмы получается оттолкнуть почти безжизненное тело, искривлённые в последней усмешке багровые губы отпечатываются в воспоминаниях тревожным предупреждением, страшным знаком, истолковать который она пока не может. Но старшие точно помогут ей с этим. Она посылает в грудь мужчины шаровую молнию, чтоб уж наверняка отправить его на тот свет, и спешит вернуться к своим.

Попадание заклинания инквизитор уже не ощущает, перед его глазами уже расстилается Серая Долина, в которой души ждут решения своей судьбы. В бесконечном ничто, лишённом и радости, и страданий, и боли. Ему жаль лишь одного, что он не успеет уловить, как вспыхнут на краю восприятия в последний раз и навек погаснут огни чужой магии.

В первые мгновения он ощущает лишь прохладный, похожий на пепел песок, вытягивающий из него даже фантом той боли, что сопровождала последние минуты жизни. Насладиться этим ощущением не даёт чужое недовольное бормотание буквально под боком. Приходится разлепить глаза, без особого на то желания, и повернуть восхитительно лёгкую голову на источник звука. Неожиданный сосед ещё хранит на себе отчётливый запах покинутой жизни, явно такой же свежий мертвец как и он сам. Вот только тянет от него магией и могилой.

О некромантах в их время только слышали, но последние три столетий не видели ни одного, и уж тем более известные истории не выглядели так... жалко. Этот был лет на десять младше инквизитора, тщедушный мальчишка с чёрными глазами, как у кочевников, и почему-то кроваво-красными волосами, неровно остриженными – так, абы каким образом, лишь бы срезать, обычно стригут заключённых. А ещё от него шёл практически канат из магии, связывающий с той стороной. Не живой. Не мёртвый.

– Оставь, ты уже тут, нет смысла бороться.

Игнорируя доброжелательнейший тон инквизитора, молодой некромант продолжает цепляться на связь с миром живых, но завеса по какой-то причине не пропускает его. То ли упокоили по всем правилам, то ли недостаточно силён, чтобы пробиться обратно. Инквизитор поставил бы на второе, но вот очевидный вариант не всегда самый правильный. Может красноволосая мелочь мелочью только кажется, по этим колдунам не поймёшь, у них и столетний дед может выглядеть на тридцать.

– Мне казалось, что по эту сторону у душ должно наблюдаться полное понимание речи друг друга...

– Что тебе нужно, жрец? – мальчишка развернулся, недовольно кривя изгрызенные в лохмотья губы. – Не мешай.

– И как же ты тут оказался? – инквизитор сел, опираясь на согнутую ногу. – Вас же, некромантов, хрен загонишь в могилу. Признавайся, кому дорогу перешёл. У мёртвых секретов друг от друга нет.

– Когда я выберусь, я вселю тебя в умертвие и буду использовать как учебное пособие! – в удивительно низком для такого тщедушного парня голосе прорезался странный акцент, будто какая-то связь с миром живых всё-таки осталась. – Отлично! Я зна... да твою мать!

Некроманта протащило по серому песку, нить связи истончилась, пусть и не исчезла окончательно. От раздражения и явно уязвлённого неспособностью вернуться самолюбия на глазах мальчишки – ему совершенно точно нет и полувека, так, личинка некроманта – выступают злые слёзы. Инквизитор удивлённо гнёт бровь: а говорили, что личность и чувства смываются песками долины, а вот погляди ж ты. Да и он сам пока не спешит расставаться со своим прошлым. Ведомый этой мыслью мужчина проходит несколько шагов до красноволосого, все силы которого теперь уходят на поддержание тонкой ниточки.

– Точно не хочешь поговорить? – в другое время он бы предпочёл добить колдуна, но в обозримом пространстве никого нет, а вечность без общения пугает сильнее, чем нарушение оставшегося в прошлой жизни кодекса. – Как тебя зовут?

– Никак, – некромант садится на холодный песок, прижимая ладонь к груди, будто это может остановить обрыв связи с телом. – Не знаю, как это происходит на твоей родине, а у нас за нарушение чужого права на смерть лишают имени. И, вот, медленно упокаивают!

Лицо его больше походило на вылепленную больным скульптором маску, связь с жизнью выгорала. Видимо, именно это заставляло личинку некроманта заходиться в нервном хохоте под тяжёлым взглядом застывшего над ним инквизитора. И уж на что у последнего были крепкие нервы, а сжавшиеся на ноге костлявые пальцы заставили вздрогнуть, пусть и не дали ни пнуть колдуна, ни сделать шаг назад.

– А хочешь жить, жрец? Меня-то обратно не пропустит, а ты вполне сможешь занять моё место, м? У меня там даже какое-то имущество имеется, пусть за него и пободаться придётся.

– Вот при жизни на сделки с колдунами я не соглашался, – инквизитор понимает, что должен сейчас отказаться, но жить ему действительно хочется.

Он прекрасно понимает, что новое перерождение не для него. Слишком уж привык отравлять жизнь окружающим, особенно магам. Жалко, конечно, будет стать одним из них, но тем приятнее будет отыграться на них за всё и сразу.

– Ну, не соглашался и что? Ты не затягивай, я это долго не продержу, – некромант кивает на оплетающие его пальцы нити.

– А в обмен? – у магов ничего не бывает по доброте душевной, исключительно выгода и собственные интересы. – Что ты хочешь взамен? Я должен знать, на что соглашаюсь.

– Я отдам тебе силу, память, права. Уйду вместо тебя на перерождение. Но ты превратишь жизнь каждого из королевской семейки в кошмар, – он заставил себя встать на ноги, хотя всё больше напоминал обтянутый кожей скелет. – Они выносили приговоры моей семье, вынесли

и мне, не став выслушивать. Я хочу, чтобы ты выжил и заставил их рожи кривиться от одного упоминания.

Пальцы свободной руки некроманта осыпаются прахом, сливаясь с песками пустоши. Вот уж подумать никогда не мог, что после смерти всех ждёт ещё одна смерть, о таком ни одна книга не рассказывала. Инквизитор рассматривает кончики собственных пальцев, будто покрытые тонким слоем пепла, и решается. Хуже смерти точно ничего не будет, а так он может насытиться второй жизнью. Тем более, что его так настоятельно просят продемонстрировать все качества характера, не только положительные. Чумной видит, что некромант понял его решение, и оскаливается в такой же ухмылке в ответ.

Колдун рассыпается прахом, тяжёлым, залепляющим глаза, забивающимся в лёгкие, стремящимся заполнить собой всё восприятие. Грудь инквизитора второй раз разрывает болью, только теперь она несёт не смерть, а новое рождение, от которого закипает кровь – по крайней мере, ему так кажется. Мозг наполняют картинки чужой жизни, некроманты осознают себя ещё в утробе, пусть этот период и первые годы жизни со временем смазываются, становясь чёткими лишь в определённых условиях. Передача своей личности, самой своей сути, кому-то другому явно входит в их число.

Как мужчина не старается, услышать в воспоминаниях имя некроманта у него не выходит, там, где к нему обращаются, в воспоминаниях лишь гул, будто кто-то со всей силы ударил по клавишам органа. Мир сильно отличается от привычного инквизитору, перед ним буквально распаивается вселенная: бескрайняя чернота, наполненная звёздами, странные корабли самых разных очертаний. Непохожие друг на друга люди – и нелюди, которых заклинаний перемалывают в крупный фарш.

Холодная красота костяных садов Зиланделикса, родной планеты некрота, дома из серого камня и яркие витражи в окнах, цветастая одежда на бледных людях, похожих на кукол. Некроманту всего девять, когда он стоит в первом ряду у помоста, стирая с лица густые багровые капли трясущимися руками, полуслепым взглядом различая два красно-белых пятна на фоне тёмной фигуры: палач, как и положено, поднимает головы казнённых перед толпой. Чужая, совершенно недетская, ярость и жажда мести сливаются с его собственным отношением к магам. Он совершенно чётко видит каждого сидящего на высоком балконе в тени тяжёлых занавесов, защищающих от серого зиланделиксийского солнца. Некромант помнит их лица, Чумной инквизитор знает, как прекрасно хрустят ломаемые кости, когда магия покидает своего носителя, прекращает держать его среди живых.

Прочие воспоминания несутся ещё быстрее, словно некромант из другого мира стремится показать ему самое важное как можно быстрее, обратить на это всё внимание инквизитора, чтобы тот принял эти воспоминания как свои. Это – совсем свежее. Некрот пытается поднять стремительно уходящую на ту сторону соплеменницу. Сейчас Чумной точно знает, что удерживать среди живых умирающего некроманта или поднимать кого-то из них строжайше запрещено. Такие твари теряют свою настоящую личность, становясь искажёнными злобными тенями себя прежних, жаждущих лишь власти, крови и насилия. Что усугубляет положение парня, так это происхождение девицы. Угораздило же его связаться с одной из ненавистной ему правящей семьи...

– Удружил, сучёныш, – беззлобно усмехается инквизитор, ощущая, как его тянет куда-то, не то во все стороны, не то сворачивая в шар. – Хотя я буду рад избавить новый мир от пары десятков колдунов. Даже если для этого мне нужно будет стать одним из них. Но патлы твои я перекрашу в нормальный цвет.

Чумной мысленно сплёвывает. Себя тощим мальчишкой-заморышем он уже не помнит, а уж смазливый, как игрушка для утех из магического квартала, он и вовсе никогда не был. Некрот в его голове практически неслышен, но безразличное “Да делай ты что хочешь” возникает как собственная мысль инквизитора. Или же колдуна?

Забивающая лёгкие пыль ощущается слишком уж натурально, но это как будто бы не мешает, ему даже не хочется дышать, что странно. Что-то давит, сжимает со всех сторон, в живот будто кол воткнули, хотя боли как таковой и нет. Сознание постепенно успокаивается, проясняясь далеко не сразу, образ Серой Долины ещё какое-то время заполняет его, чтобы смениться простым осознанием.

Он лежит в могиле.

*

И помните, комментарий всегда лучше лайка, но лайк и библиотека тоже стимулируют желание писать и увеличивают количество знаков в минуту со стороны автора

Упокой, Господи...

В той жизни его называли Алексеем, а вот фамилия и отчество младенцам, найденным у дверей инквизиторской службы Его Величества не положены. Вообще, младенцам с ведьминской кровью – а отметка на спине, родимое пятно вполне определённой формы, говорила именно об этом – даже шанс на жизнь не положен. С другой стороны, кем бы ни был человек, подбросивший его сюда весенней ночью, а простым его назвать никто бы не смог. И дело даже не в стоимости колыбельки и пелёнок, нет, деньги и у хорошего торговца водятся. Но ребёнка не тронула ни магическая чума, вылезшая после схода снега, ни бесновавшаяся в тот год ночная нечисть, заходящая даже в столицу. Пожалуй, именно это и спасло мальчишку. А уж кто из благородных господ изволил поразвлечься с ведьмой, получить от неё бастарда и выжить после этого, они как-нибудь потом узнают, пока это не так важно.

Главный инквизитор Москвы и Московской губернии вспоминал то апрельское утро, стоя над едва узнаваемым телом воспитанника. Незнакомым, но всё ещё существующим, хотя после смерти Алексея должно было рассыпаться прахом.

– Всё хорошо? – подошёл к нему напарник погибшего.

– Я впервые не могу отдать указание захоронить. Он не здесь, но и душа его не ушла на ту сторону, словно утянуло куда-то мимо... Это странно. И неправильно.

– Ну, про мать-то его мы знаем.

– Даже чёрная кровь не застревает между жизнью и смертью. Давай так, Андрей. Мы спустим его вниз, в камеры для бесноватых, и проследим. Если рассыпается позже – всё хорошо. Если вдруг оживёт и проснётся не собой, то выйти не сможет.

– Может шамана позв...

– Нет. Ноги ни одного из этой братии здесь не будет. Те же колдуны.

Молодой инквизитор поднял руки, мол, сдаюсь, и первым ухватился за носилки, на которых лежало изломанное тело. В какой-то момент ему показалось, что то дёрнулось, аж пере-креститься захотелось, но наваждение быстро спало, так что в темноту подземелий шагали уже молча и весьма бодро.

В камере было немногим теплее, чем на леднике. Одержимым холод был не страшен, а ресурсы на обогрев можно было не тратить. Андрей окинул взглядом “покойного” и, под понимающим, пусть и не слишком мягким, взглядом наставника укрыв то, что осталось от Алексея плащом. Невольно захотелось оправдаться, будто он сделал что-то не то.

– Ну, вдруг он всё-таки придёт в себя, да и бросать вот так... не по-людски это.

– Разве я тебе хоть слово против сказал? Просто постарайся не слишком тешить себя надеждами, будешь меньше расстраиваться. Пойдём, у меня ещё отчёт сегодня, маги из метро всё-таки заговорили...

Им наверняка показалось, что тело в камере вздохнуло, прежде чем снова затихнуть. Инквизиторы, не сговариваясь, обернулись, посмотрели на него одно долгое мгновение, и также синхронно вышли, запирая дверь покрепче. Если Алексей действительно вернётся, то он сможет распахнуть камеру. А всем прочим в подземелье и его переходах делать нечего.

*

Как-то раз, ещё на заре его инквизиторской карьеры, Алексей не то чтобы поймал заклинание, скорее, попал в поле его действия, бетон под ногами стал жидким как сметана, утягивая парня по грудь. Сейчас давно уже не мальчишка и совсем недавно не инквизитор ощущал себя точно также. С одной-единственной разницей, что вокруг был не бетон, а земля, и он находился в ней не по грудь, а с головой. Не ожидавшее такой подлянки сознание почти запаниковало, что они сейчас задохнуться, но быстро было взято под контроль.

Некроманты потребности в воздухе явно не испытывали. Пусть знания колдуна ещё не устаканились в его голове, но Алексей обнаружил для себя ещё пару забавных – если в такой ситуации что-то можно назвать забавным – моментов. Например, некроманты своих отступников хоронили так, как на его родине закапывали колдунов. Лицом вниз, чтоб если немертвый начинал копать землю, то зарывал себя ещё глубже. Здесь, правда, такая обманка не сработала бы, чувство направления было прекрасно развито. Да и зарыли его не слишком глубоко, будто не рассчитывали, что тот сможет вернуться в мир живых.

– Упоко, кхх, твою мать! – вместо слов и воздуха изо рта посыпалась земля, кладбищенская пыль забивала лёгкие.

Сколько он провёл в скрюченном положении, откашливая комья из дыхалки, инквизитор бы не сказал. Да и называть себя инквизитором следовало бы прекратить, мало ли. В службе дознавателей у него на родине имелись умельцы читать чужие мысли, вдруг и тут кто-то есть. Да и инквизиторской силы в этих краях точно нет, раз он не ощущает Присутствия, хотя вселение в чужое тело может забивать ощущения. В книгах о таком не писали.

Как не писали и о том, что делать, когда тело не слушается, путаясь в собственных конечностях, как в верёвочках детской игрушки. И лекций на эту тему не читали. Даже у старших товарищей такого опыта не было. А одержимые... ну, скажем так: сами они после подселенца как правило слюни пускали, а подселенцы ощущениями не делились. Да и опыта такого у них было достаточно, чтобы не испытывать проблем с координацией.

Кое-как удалось ощупать собственное лицо, черты которого будто менялись под руками. Кости и хрящи щёлкали, перестраивая внешность. “У некромантов нет своего лица”, всплыло где-то на задворках. Потом, об этом он подумает потом. Пальцы доползли до лба, в середине которого ощущалось нечто вроде шляпки гвоздя. С тяжёлым вздохом, он потянул это “нечто”, действительно оказавшееся длинным гвоздём-колышком, удивительно безболезненно выскользнувшим из глубокой раны в голове.

– Мозги?

Короткая вспышка боли настигла не сразу, проникая во все закоулки тела, заставляя замереть, пережидая. Что-то подсказывало, что обычный человек, даже самый выносливый, от такого загнулся бы, но у колдунов всегда всё было не как у людей. Зато после этого как будто бы выправилась координация, по крайней мере, он смог встать на ноги и осмотреться, пусть и слегка пошатываясь.

Самый натуральный некрополь, на сколько хватает глаз – сплошные надгробные плиты, покрытые чужеродными символами, от которых мурашки по коже. Ему нужно выбраться отсюда раньше, чем они высосут из него силы, лишив даже шанса на новую жизнь. Кто ж мог знать, что не все кладбища – места силы для некромантов.

Правда, Алексей позволил себе одну слабость – или это сделал тот, кто занимал тело до него? – и обернулся на надгробие, из-под которого выбрался. Видимо, думал, что увидит там своё имя. Но камень был пуст, идеально отполирован и пуст. Даже тут его лишили имени личного и родового.

– И ведь ни их, ни тебя осуждать не получается. Зиланделиксиец, значит? Будешь Ликсом. Мы оба будем Ликсом, надо привыкать.

*

За ворота он вывалился, ощутил разницу сразу же, настолько отличалась обстановка кладбища и просто мёртвой планеты. Чумной инквизитор рухнул на землю, рассматривая бесконечное небо, казавшееся невероятно далёким. На пробу, больше убеждаясь, что избавился от всей земли в лёгких, чем действительно в этом нуждаясь, медленно втянул воздух и также медленно выдохнул, не выпуская ни облачка пара, настолько холодным было собственное тело. Ошмётки чужой памяти подсказывали, что скоро, когда он отъестся и восстановится,

он перестанет напоминать не слишком свежий труп, успешнее сливаясь с настоящими, живыми людьми, но кто угодно, мало-мальски чувствительный к магии, поймёт, что с ним что-то не так.

Зато звёзд было столько, сколько он в жизни своей не видел, даже когда ловил магов-нарушителей где-то за полярным кругом. Бывший инквизитор поднял костлявую руку, рассматривая белеющие на фоне обжигающе-ярких звёзд пальцы, будто сжимающиеся в попытке схватить хоть одну искру из множества. Хорошо, красиво. Душа даже радуется.

Хриплый, кашляющий смех вырвался наружу. Вот раньше он сомневался, что имеет душу, про колдунов говорили же, что те и свои закладывают, и потомков своих. Зато после такого переселения можно быть уверенным, что душа у него всё же есть.

– ...душу усопшего, – начал было Ликс, но текущая в густой, практически кисельной крови сила воспротивилась. – Понял, не упокой, так не упокой.

Но наличие хотя бы такой реакции радовало, значит есть шанс, что его занесло просто куда-то очень далеко, а не в другой мир. О множестве похожих друг на друга миров в империи знали. Одна беда, их мир, или, как говорили соседи “уровень”, был жёстко блокирован, любые выходы им законопачивали, считая угрозой для местного населения. Он причин для такого, как и другие инквизиторы, никогда не видел. Впрочем, там управляли маги, те же колдуны, и выкорчевыванию этой заразы даже неодарённое население активно сопротивлялось. Только на Рев пару столетий назад удалось отправить группу, но связи с ними не было очень давно. Видимо, местные-таки от них избавились.

Где-то рядом сухо клацнуло, будто кто-то щёлкнул всем позвоночником разом, разминая затёкшую спину. Некромант – Алексей, тьфу, Ликс, конечно же он Ликс, усилием воли заставлял себя думать, что теперь он именно это – повернул голову. Стараясь не представлять отвешивающего ему звучную затрещину наставника, он откатился в сторону с единственным вопросом:

– Что за ебанина?

Сплюнул, мысленно сам себе отвесил затрещину, пообещав, что не будет слишком распускать длинный язык и дурную привычку сквернословить, но в данный момент мат считал абсолютно оправданным. И дело даже не в том, что он выкопал сам себя из могилы. Перед ним стоял скелет, кажется, принадлежавший раньше собаке, и приветственно вилял хвостом. Именно хвост и издавал тот самый щёлкающий звук, привлёкший внимание воскресшего.

Зверь на неласковое приветствие совершенно не обиделся, подходя ближе и тычась голой черепушкой в бок некроманта. Всё ещё находящийся в весьма смешанных чувствах, он машинально поднял руку, пытаясь понять, как гладить это существо. И почесал череп где-то над глазами, надеясь, что глаз у него не дёргается, а неприятного вида тварь не вцепится ему в руку.

Псина ещё активнее затрещала косточками хвоста, укладываясь рядом с единственной живой душой в округе и довольно скребя лапой по высохшей земле. Некромант-инквизитор со смирением наблюдал, как существо притирается к его боку.

– Вот если бы от тебя тепло шло, было бы куда приятнее. Или шкура тебя какая-нибудь покрывала бы. А так – сплошные кости.

Животное что-то клацнуло, стукнув крепкими зубами, но так и осталось лежать рядом. Выбрало себе нового хозяина, видимо. Что ж, может есть смысл не прогонять его хотя бы сейчас, мало ли, что тут ещё водится, а так хоть какие-то компания и охрана. Интересно, а в случае чего из её костей можно бульон сварить, или в пищу не сгодится?

Смотреть на звёзды, конечно, интересно, но надо двигаться дальше. Бывший инквизитор прикрыл глаза, пытаясь нащупать в своей голове память предшественника, и даже что-то действительно находя: подобие схемы планеты-кладбища, на которой упокаивали некротов со всей галактики. Здесь даже было что-то вроде космического порта, пусть и с большой натяж-

кой. Так, платформа и ремонтный отсек. Не полноценный вокзал, а полустанок, если сравнивать с железной дорогой.

Вставал Ликс с кряхтением, больше ожидаемым от переломанного в неплохую котлету Алексея, а это тело было достаточно целым. Костяной пёс вскочил следом за своим человеком – являются ли некроманты Зиланделикса людьми? Интересный вопрос – и двинулся по едва видимой тропинке первым, то и дело щёлкая белоснежными костями. Если забыть, что перед ним суповой набор, можно даже признать, что что-то красивое в этом зрелище есть. По-своему завораживающее. Тем более, что вёл зверь весьма уверенно, а издали как будто бы слегка пахло огнём и едой. Желудок, до того не подававший никаких признаков жизни, сжался в болезненном спазме, напоминая владельцу, что тот хоть и ходячий труп, а всё-таки биологические потребности есть и у него. И неплохо бы их утолить, хотя бы попытаться.

Свет от разведённого на прилётной площадке огня не покидал её пределов, искусственно ограниченный магией некросов, та не пропускала никакого света кроме звезд и отражённого от двух местных лун. Даже на условно солнечной стороне планеты-могильника царила вечная ночь. Ничто не должно было тревожить сон упокоенных здесь некромантов. Во имя всеобщего блага, разумеется.

Скрестившиеся после пробуждения рефлекс инквизитора и инстинкты некроза заставили сделать шаг от тропинки, словно с площадки можно было увидеть только происходящее на ней, а остальная территория была слепой зоной. Костяной пёс прижался к земле, принимаясь первым подкрадываться к небольшой группе людей. Или нелюдей, кто их разберёт, выглядели они человекообразно, а остальное уже детали. С площадки пахло жарящимся мясом – достаточно дорогим товаром в галактике, и жизнью. Если бы высохшее Ликса тело могло, оно бы захлебнулось слюной.

– Мародёрствуем, значит, – пробормотал, заметив лопаты и груды покрытых землёй вещей, на многих из которых имелись отметки семей, которым предметы принадлежали.

Кое-что ощущалось и как своё, вызывая в груди жжение, словно туда от души напихали ментоловой мази. Наглецов требовалось наказать, по возможности не слишком подставляясь самому. Магией от них практически не пахло, но это ещё ничего не значило. Могло сказать захоронение, чутье могло пригложнуть из-за большого количества мёртвой энергии. Всё, что угодно могло пойти не так. Вот если бы можно было что-то метнуть, выбить хотя бы одного из трёх...

В ответ на пожелание владельца, тело напрягает немногочисленные силы, Ликс слышит, как трещат, расщепляясь, кости, и выдаёт ему пару костяных дротиков, вылезающих из-под кожи. Не больно, но наблюдать, как из твоей руки лезет нечто, достаточно мерзко. Однако в пальцах неожиданное оружие лежит хорошо, и пусть это не привычный нож, а инквизиторов натаскивали избавляться от магов даже с помощью зубочистки, если будет необходимость. В теории, он мог метнуть кость кому-нибудь в горло и даже пробить его. В своём, привычном тренированном теле. А вот в этом хилом, да ещё и непривычном орудии... Но другого варианта нет, ещё одного шанса поест и выбраться с планеты может и не быть.

Некрос подбирается ближе, примеряясь для броска. Попадание.

Исчезнувший за время полёта дротик костяной пёс обнаруживается среди мародёров. Зверь цепляется в ещё одного недо-некроманта, оставляя третьего на Ликса. Тот безошибочно определяет, с какой стороны прилетело, но лезть в темноту не рискует. Память предшественника подбрасывает Алексею, что до своей первой смерти уроженцы Зиланделикса мало чем отличаются от простых смертных. Даже тот красноволосый мальчишка, которого он встретил в междумирье умирал не впервые, был полноценным инициированным некросом, а эти трое – или не были допущены, или слишком боялись смерти, если среди их народа и такие. Зато покопать могилы были не прочь.

Некросу подходит к пятну света вплотную, но его не замечают, мертвеца среди мертвецов. Вот только скорости нового тела для единственного верного удара не хватает, как и веса, чтобы повалить ухватившего его за предплечье противника. Зато попытки удушить проходят мимо, давая прекрасный шанс ударить куда-то в шею. Раз, другой, третий.

Инквизитору было не привыкать захлёбываться кровью, насколько к этому был привычен некромант – неясно, но тело отвращением на заливающую лицо артериальную не отозвалось, он только прикрыл глаза свободной рукой. Хуже от того, что он заляпался как последняя свинья, ему уже не будет, одежда и так была в состоянии “проще выбросить, чем отстирать”. Если что, снимет с трупов, он не брезгливый.

– Молодец, животинка, – он потрепал костяного пса по голове. – Может тебя с собой забрать? Чем ты питаешься?

Вместо ответа странное существо принялось потрошить одного из мародёров. Что ж, более чем красноречивый ответ. А Ликс, пожалуй, не будет мешать чужой трапезе и займётся своей. Мясо на огне как раз дошло.

– Есть в этой жизни счастье.

Неунывающий

Старший инквизитор Московской губернии, названный родителями совершенно непопулярным в ни тогда ещё в двадцатом веке, ни в нынешнем двадцать первом, именем Афанасий, мерял шагами приёмную, ни много, ни мало, самого Михаила Алексеевича. Когда-то младший, а теперь единственный, из великих князей и раньше интересовался делами инквизиции на ниве защиты интересов родины, а в последнее время и вовсе предпочитал держать руку на пульсе всех крупных дел.

– Проходите, Михаил Алексеевич освободился и может вас принять, – секретарь князя, высокая широкоплечая девица внушительных статей, выглянула из кабинета начальника.

Как только инквизитор зашёл в весьма скромно обставленный кабинет, девушка получила от начальника кивок, выходя в коридор: охранять покой высокого начальства и его визитёра. Пройти мимо этой валькирии без борьбы – хотя бы исключительно словесной – не всегда удавалось даже императору, что уж говорить обо всех остальных. Из какой дыры империи мужчина вытащил это сокровище, никто не знал, но второе такое чудо организованности и преданности в одном флаконе занять себе мечтали многие. Михаил Романов молчал как на допросе.

В кабинете князя слабо пахло снегом – зима в одну из столиц в этом году пришла с заметным опозданием, практически в середине декабря. Для своих неполных пятидесяти великий князь выглядел на зависть многим, впрочем, последние два поколения правящей семьи в целом долго сохраняли молодость. Удивительно долго, и многие грешили этим на лояльность некоторых из их предков к магам. С другой стороны, лезть в дела Романовых – нужно быть идиотом, не ценящим свою голову. Афанасий себя таковым точно не считал и другим не советовал.

– Здравия желаю, Ваш...

– Афанасий, не на построении, оставь это, – Михаил качнул рукой, указывая инквизитору на кресло. – Это на официальных мероприятиях я “Императорское Высочество” даже для тех, кто меня из-под заклинаний вытаскивал. Уж здесь-то... Я уже знаю, что случилось. Много полегло?

– Больше, чем хотелось бы, но меньше, чем могло бы. Уж не знаю, как Алексей умудрился провернуть с ведьмой “поцелуй” с теми травмами, что у него были, но там всё фонило его силой. Упокой его душу...

– Рязанскому хватило сил на такое? – Михаил придвинул к себе чашку с чаем. – А по нему и не сказал бы...

– Не Рязанскому. Чумному.

– Племянница расстроится. Да и не только она. Тут уже не чай нужен, – князь щелкнул дверцей. – Коньяк будешь?

Афанасий кивнул. Инквизиторская служба, опасная и трудная, с которой уходили на кладбище в разы чаще, чем на пенсию, всё равно считалась элитной. Особенно, кхм, одиозные в своих трудах – хотя многие предпочитали более ёмкое “ёбнутые” – инквизиторы и вовсе имели некое подобие фан-клубов и обожателей даже среди аристократских детей. Единственная дочь нынешнего императора, Мария Константиновна, например, относилась как раз к поклонницам Чумного и не слишком это скрывала. Алексей, помнится, в единственную встречу краснел и запинаясь так, что коллеги невольно заподозрили сглаз, порчу и проклятие на всём, на чём можно. Впрочем, после исчезновения великой княжны из поля зрения, тот вернул себе знаменитый злой язык и отыгрался на всех сразу.

– Ещё кто? Сколько захоронений?

– Пятнадцать. Пятнадцать захоронений и шестнадцать человек, – он “подкрепил” чай коньяком, сжимая чашку так, что тонкие стенки не лопнули только чудом.

– Поясни, – Михаил замер, не успев донести чашку до рта.

– Чумной и тут отличился. Ты же помнишь, что мы должны рассыпаться прахом после убийства? А много ли знаешь случаев, когда этого не происходило?

– Два? – после заминки отозвался великий князь, между бровей залегла тонкая морщинка. – Да, кажется два. Один совсем давно, один при прадеде в сороковых, но там такой смешанной крови инквизитор был, что собрал и магов, и шаманов, и ещё кого-то от Благовещенска до Москвы точно. Даже воскреснуть умудрился через несколько часов. Не скажу, что ему сильно помогло...

В кабинете повисла тишина. Инквизиторы, маги, шаманы... на самом деле, разница между ними не так уж и велика, расхождения больше идейного плана, чем какого-либо ещё. Ну, если зарываться в детали, то и в особенностях пользования силой еще имеются различия, но тонкости и должны быть, именно они позволяют выделить специализацию. И некоторые врождённые особенности, передаваемые по наследству склонности. Афанасий шевельнул пальцами, суставы хрустнули. Они похожи гораздо сильнее, чем принято считать. По крайней мере между собой, людьми-то они не являлись в принципе, полукровки с людьми были бесплодны.

– Ты опять начал себя грызть?

– Не начинай, я прекрасно знаю, что больше половины инквизиторов не доживает до тридцати. Но в случае с Лёшкой успел поверить, что тот и здесь станет исключением. Искатель приключений на свою жопу...

– Весь в отца, – хмыкнул князь. – Ладно, мертвецам всё равно, а мы должны думать о живых. Давай, к делам нашим скорбным.

– Итак, по последнему случаю...

*

К рассвету на планете, если к этому подвешенному в космосе кладбищу и минимальной смене освещения на нём могло быть применено такое слово, тела мародёров уже почти рассыпались в песок. Не без помощи обглодавшего их пса, сейчас покрытого тонким слоем мышц и плешивой шкурой. Только кое-что из одежды, отобранное некромантом для себя уцелело, к его радости, потому что тряпки, в которых это тело закопали, явно не годились ни для чего, кроме расшаркивания на приёме. Костяной пёс внимательно наблюдал за переодеванием Ликса и в горящих в глубине глазниц огнях почему-то мерещилось осуждение.

– Что не так? Уж извини, мне они нужнее. Ну, хвостатый? – он присел на корточки, не сразу находя баланс. – Полетишь со мной?

За несколько спокойных часов значительная часть памяти предшественника улеглась в голове, позволяя выбрать несколько вариантов маршрута, теперь всё зависело от выносливости корыта, на котором прилетели три покойника. Животное с сомнением подошло к кораблю, понюхало трап, но всё же выразительно тявкнуло. В голове у бывшего инквизитора крутился вопрос: а может ли он запахи различать или там какие-то свои способы? С другой стороны, мясо же на негоросло, значит при должном питании это чудовище примет вид нормальной собаки.

– И отлично. Будешь помогать мне избавляться от следов, – он потрепал подошедшего ближе питомца по голове, отмечая короткую, жёсткую шерсть на лбу, больше похожую на кусок наждачки. – Может и отъешься до чего-то приличного. Пойдём.

Пёс прихватил одну из оставленных костей, заноса свои пожитки в небольшой космический корабль, типичных для Зиланделикса угловатых очертаний. Предшественник Ликса с конкретно этой моделью дела не имел, многие некроманты весьма настороженно относились к управлению искусственным интеллектом, но общий принцип знал. Датчики на проникновение на борт двух условно живых существ отреагировали мягким, приглушенным светом, не раздражающим чувствительные после кладбищенской темноты глаза.

– С возвращением на борт. Ваши товарищи продолжают путешествие, или я могу начать предполётную подготовку?

– Начинай.

Ликс поправил на запястье широкий браслет контрольной системы. Модель специально для некромантов, ни пульса, ни дыхания у них не было, даже внешность те могли изменить достаточно быстро, если не были смертельно истощены, так что присутствие определялось по дополнительному датчику. Корявая система, которую было бы легко обмануть, если бы не единственное “но”: датчик снять можно было лишь с некромантского трупа, что значительно усложняло задачу.

Для его родины освоение космоса было мечтой. Да, космическая программа имела у любой мало-мальски крупной и уважающей себя страны, но дальше Луны никто так и не улетел. Даже колонизация Марса снова и снова откладывалась на потом. А тут, подумать только, целые планеты были отведены под могильники. Когда воспоминания красноволосого мальчишки уложились в сознании занявшего его тело инквизитора, тот позволил себе отдельно посмаковать знания о бескрайней вселенной. Что ж, такое посмертие стоило того, чтобы превратиться в отбивную из-за собственной силы. Хотя он бы предпочёл для начала дожить своё дома, там ещё не всех магов перебили, пусть это и звучало как несбыточная мечта.

– Месть эта, конечно, тот ещё подрыв государственных основ... ладно, разберёмся. Когда выберемся отсюда. А вот собаку, похоже, стоило объесть... Фу, брось это, это точно не твои замашки, – он потряс головой, избавляясь от мерзкой мысли.

Нет, среди магов встречались каннибалы, хотя те и в магических кругах были отбросами. Мораль у колдунов вообще была с вывертом: пить кровь и приносить в жертву нормально, а вот подъедать остатки ритуала уже нет. Алексей за свои тринадцать лет активной службы – официально его допустили к работе ещё до совершеннолетия, не слишком частая практика, но и случай не единичный – с людоедами лицом к лицу не сталкивался. Зато видел записи и остатки трапез. И уж на что считал себя крепким, а в первый раз едва выполз на воздух и уже там, в стороне от улик, блевал дальше, чем видел. Справедливости ради, не он один, Андрея скручивало точно также в три погибели, но утешало это слабо. Зато сейчас вспоминалось даже с улыбкой. Жаль, что обратно ему путь заказан, только если по сибирской глуши прятаться, некроманта не то что в Москву не пустят, его ещё при попытке перейти Уральские горы почувствуют и отправят отряд по его душу.

Да и сильно он сомневается, что остался в том же мире, не могло ему настолько повезти. Так что стоит принять невозможность вернуться домой и строить новую жизнь из этих вводных. Ликс лишь чуть согнул ноги, когда пол под ними завибрировал. Костяной – хотя уже просто костлявый – пёс недовольно заурчал, укладываясь рядом с панелью ручного управления. Некромант с облегчением выдохнул, если вдруг разум машины решит “отдохнуть”, он не останется просто так висеть в космосе, в ожидании случайного пролёта кого-нибудь равнодушного, не важно, к чужому горю или к наживе. Сам он к халяве тоже равнодушным не был и добычу своих недобровольных помощников перебрал, выгребя самое интересное и дорогое.

– Запомни, шерстяной: если ты не можешь что-то сделать сам, извернись заплатить тому, кто сможет сделать это за тебя. Но сначала мы с тобой уберёмся из Зиланды.

Само присутствие в системе пока что было весьма рискованным предприятием. В её пределах определить жив он или мёртв можно было без особых проблем, дальше артефакты некромантов не дотягивались. На панели отразились возможные места назначения, с указанием сложность маршрута. Ликс склонился ближе, но пока что особой разницы, куда лететь, не было. “А вот интересно”, мысль скользнула в сторону внезапно, “а в космосе корабли летают или тоже ходят?”

Он тряхнул головой, отгоняя странное ощущение, слишком похожее на случающийся у инквизиторов срыв, когда у тех перемикало в голове и они стремились вырезать всё живое и хоть немного фoniaщее магией в зоне досягаемости. Унаследованная память подсказывала, что у некромантов имеется аналогичное состояние, в котором те стремятся умертвить всё живое в зоне поражения, чтобы напиться чужой силой. Херово. Теперь нужно выбирать наименее обитаемый сектор: и чтобы не вычислили сразу, и чтобы меньше страдать от угрызений совести. Это предшественник мог себе позволить оставить после себя ряд трупов, а ему инквизиторское прошлое не даст этого сделать, только если это не трупы магов.

– Мы подходим к краю системы Зиланда. Начинаю подготовку к прыжку. Прыжок сразу после выхода из пространства вокруг системы.

Ликс смазано кивнул, ощущая, как его внутренности скручивает узлом от голода. Это было в разы хуже того срыва, который однажды случился у Чумного. В разы хуже, хотя бы потому, что он не знал, что с ним делать, прошлый владелец тела через такое сам не проходил.

– Принудительная стыковка! Принудительная стыковка!

Пёс заворчал, когда набравший скорость корабль резко затормозил. Его бедовый компаньон, едва выкопавшийся из могилы, рухнул на пол, сворачиваясь в клубок, как больной щенок. Животное ткнуло владельца носом, когда волна некротической энергии, которую тот не был способен удержать в себе, затопила небольшой кораблик. Неизвестные, ухватившие их в последний момент, тут же сами сорвались в подпространство, не оставляя своей добыче возможности сбежать. И только после этого стылая некротика коснулась и их. Ликс удивительно плавным движением встал, вот только разума в оголодавшем после почти удачного упокоения некроманте уже не было.

Когда стыковка завершилась, экипаж “Неунывающего”, осознавший масштабы найденного на свою голову пиздеца, уже приготовился встречать врага плотным потоком плазмы, да и штатный маг что-то бормотал себе под нос. От корабля с характерными для Зиланделикса контурами шёл ощутимый даже сквозь слои металла фон, пугающий любое живое существо. Во всяком случае, находящееся в здравом уме и трезвой памяти. Небольшое, но крайне наглое, нежелающее делиться так и провоцирующее на разграбление, судно, несло в своих недрах некроманта с проклятой и забытой всеми богами планеты. На таких обычно гуляла местная молодёжь, которую до того они прекрасно обчищали, да и в этот раз на могильник спускались мелкие, ещё ни разу не умиравшие зиланделиксийцы. Вот только поднялось с планеты что-то другое.

Но за открывшейся дверью было пусто. Отчётливый запах холодной земли и крови проникал в стыковочный модуль, но его носителя не было даже слышно. Капитан нервно молился богине путей – про себя, чтобы не подрывать дух команды – и, признать честно, был готов на всё, на любую сделку с совестью, нечеловеческими расами, да хоть мифическими черными духами, лишь бы зиланделиксиец не был истощён. При таком раскладе “Неунывающий” превратился был в космический могильник ещё до выхода в обычное пространство, их бы просто высосали. Вот говорила ему мама, что нужно трижды подумать, прежде чем лезть к труповодам, говорила! Ну, теперь у него есть шанс сказать ей, что она была права, лично. На том свете, если отыщет её среди мертвецов.

Секунды текли, но даже эхо шагов не доносилось с той стороны. Что ж... решение тяжелое, но придётся его принимать. Они вытянут жребий, кому-то придётся пройти через стыковку и увести смердящий мертвечиной корабль в сторону. Пожертвовав собой, но что поделять? Космос – это бесконечное ожидание смерти, в котором каждое возвращение на родину – практически невозможное чудо. Кому-то придётся заплатить за их коллективную жажду лёгкого богатства. А имя неудачника зафиксирует бортовой компьютер в особой книге памяти.

– Если бы от вас так вкусно не пахло жизнью, я бы подумал, что вы уже сдохли, – Ликс, отстранённый от управления тела древними инстинктами, удивлённо слушал собственный голос, так похожий интонациями на Чумного Алексея.

Слова некроа раздались... с потолка? Рука вывернута под неестественным углом, словно локтевой сустав выбит, не так давно обритая голова едва успела покрыться коротким ёжиком красных волос. От этого цвета сводило зубы, почему-то он доставался обладателям самых омерзительных характеров среди зиланделиксийцев – таких даже свои недолюбливали. Ищадые космоса сидело над их головами, словно искусственная гравитация корабля была какой-то шуткой

– Ну что, стрелять будем или как?

Корабельный маг не выдержал давления чужеродной силы первым, без команды сбрасывая с пальцев готовое заклинание.

“Разгерметизация корабля!”

Неудачник?

Кто бы что ни говорил, а Чумной всегда был тем ещё везучим сукиным сыном, что при жизни, что после своей смерти и внезапного перерождения. Выносливости нового тела хватило, чтобы добраться до своего – да, уведённый у недонекромантов корабль он считал своим по праву – корабля и задраить люк стыковочного модуля. Но вот отсоединить “Неунывающий” уже не вышло. Как на зло, тот ещё и вынырнул в обычное пространство не слишком удачно, слишком близко к планете, когда-то бывшей пристанищем всех космических приключенцев, а теперь совершенно пустой. Но всё ещё пригодной для жизни, и теперь летящий в неконтролируемо падающем из-за работающих у “похитителей” двигателей металлическом гробу Ликс молился всем существующим в этом мире силам, чтобы его не зарыло слишком глубоко в землю, не утянуло на глубину, и чтобы на поверхности планеты был хоть кто-то пригодный для поеданий. Встряска здорово прочистила мозги, теперь одна мысль о людоедстве вызывала стойкое отвращение.

Костяной пёс жался к хозяину, вцепившись крепкими зубами в открытое предплечье некроманта как в поручень, благо, тот боли не чувствовал, да и кровь из-под клыков не текла. Некрос, упиравшись ногами и спиной в стены неширокого прохода, придерживал животное за загривок, чтобы то не отлетело в сторону и не оторвало руку. Он, конечно, знает, как её прирастить обратно, но не факт, что получится с первого раза, что разум инквизитора не затормозит наработанные рефлексы некроманта. Память зиланделиксийца что-то тревожно сигнализирует, но разобрать её за воплями аварийных систем и пошедшего в разнос искусственного интеллекта – он доберётся до его создателя и сделает из него разум для корабля! – мешает понять. Транспорт мотыляет ещё на подходе к атмосфере, а что будет твориться там, страшно представить.

– Капсула будет спущена при прохождении атмосферы, через...

Вот! Вот оно!

Ликс заставляет себя встать на ноги, кое-как поудобнее перехватывая тощую тушку костяного пса, как-никак он в ответе за того, кого приручил, и пытается не пролететь мимо нужного поворота, времени на этот забег в обрез. Виднеющаяся в тупике капсула уже подмигивала сигнальными огнями, готовясь к закрытию, когда некрос закинул туда сперва костяного пса, а после влез сам, матерясь и на ходу возвращая на место пострадавшую во время срыва руку, с хрустом вправляя суставы. Благо, что болевой порог жителей Зиланделикса позволял проворачивать такой трюк, а недавняя “смерть” приглушала чувствительность до минимума.

Капсула закрылась, практически пнув его под зад, некрос пристегнул себя специальными ремнями, смутно ощущая, как пёс снова вцепился в него пастью. Ликс протянул ладонь, нащупывая шерстяную голову и успокаивающе трепля животное между ушами, получая в ответ нервное поскуливание.

– Вот уж не думал, что тебя что-то может напугать...

Пёс сжал зубы чуть крепче, прижимаясь к ногам некроса всем телом – корабль тряхнуло на входе в атмосферу планеты. Единственные условно живые существа на корабле закаменели, пытаясь понять, что с ними вообще происходит – перед отсоединением небольшие окна на капсуле затенились, чтобы избежать возможного ослепления пассажиров. Откуда-то, вероятно со стороны “Неунывающего” полыхнуло смертью, заставляя некроманта с удовольствием втянуть воздух. Ему не обязательно было убивать самому, видимо, нужно лишь находиться достаточно близко. Это радовало, если можно так сказать. Как инквизитор он старался избегать жертв среди обычных людей, пусть это и не всегда получалось, и мысль о том, что для выживания нужно устраивать резню, давила.

Голова взрывалась от перегрузок, было ли это дефектом капсулы, непредусмотренным моментом, или же какой-то индивидуальной реакцией некромантского организма, Чумной сказать не мог. Он лишь кое-как сжал виски, насколько позволяли удерживающие его ремни, в надежде, что его не вывернет наизнанку.

“Сбой системы приземления!”

– Твою же мать...

В момент удара капсулы о землю тело Алексея, всё ещё лежащее в камере, дёрнулось, падая с узкой койки.

*

– Интересно, как с таким качеством кораблестроения они умудрились освоить космос? – Ликс лежал рядом с раскуроченной капсулой.

Он почти уцелел. Почти – многострадальную руку всё-таки отрезало куском металла, и теперь некрос прохлаждался на земле, стараясь не смотреть, как конечность прирастает обратно, даже к ощущениям не прислушиваться, хотя те и были весьма отчётливыми и весьма неприятными. Прибившийся к нему пёс лежал у хозяина под боком, облизывая воняющую кровью и пеплом пасть. Некрос ещё не знал наверняка, чего именно тот нажрался: местной живности или останков бедолаг с почти похитившего их корабля, и пока что не видел смысла выяснять. Вот когда он соберётся в полный комплект и все конечности окажется на положенном им месте, тогда Ликс и займётся исследованием местности. Тем более, что если его животины не нервничают, то и ему можно немного расслабиться.

Руку до плеча прострелило, волокна продолжали срастаться, нервы восстанавливались, и вот как раз их заживление и давало настолько потрясающий набор ощущений. Вот убить некроманта достаточно сложно, но избавиться от угрозы в его лице точно можно с помощью расчленения. Ликс весьма живо представил себе, как его куски развозят по разным планетам, а то и просто сжигают, оставляя говорящую голову.

Ерунда какая. Лезет в голову непонятно что.

Некромант шевельнул пришедшей в порядок рукой, неуверенно на неё опираясь. Вспомнилось внезапно-очевидное, как он когда-то восстанавливался после первой серьёзной травмы: встретившийся маг тогда от души приложил его всем телом о стену перехода в метро. Инквизиторы, конечно, всегда были в разы крепче обычных людей, некоторыми можно было металлические двери выбивать, но ему, тогда ещё даже не полноценному члену отряда, так, мелкому воспитаннику, хватило и этого, чтобы на несколько роковых мгновений потерять ориентацию. Его схватили за шкуру и ударили о камень ещё несколько раз, пока не затрещали ломаемые кости. С “бешеным”, магом, которому в голову ударила сила, он тогда столкнулся в первый раз. Они не просто верили в своё всеисие, этим-то как раз и среди инквизиторов многие грешили в определённом возрасте, нет. Многие из бешенных, одержимых мелкими голодными духами, считали смыслом жизни истребление всех, кто не обладал магией, с особым наслаждением охотясь на мелких инквизиторов, если те теряли бдительность.

Алексея тогда спасла доставшаяся от матери магия: вспышка выжгла пространство узкого перехода. После этого ни инквизиторской, ни колдовской силой парень не мог пользоваться ещё месяца три. Кости срастались примерно столько же.

Сейчас уже полноценного носителя магической чумы радовала своим наличием ускоренная регенерация. Убедившись, что все куски на своём месте, он осторожно осмотрелся, прислушиваясь к происходящему вокруг, прежде, чем встать в полный рост. И медленно поднялся на ноги, рассматривая пустырь, на котором оказался.

Зелёная трава, наверняка сочная, распаханная двумя рукотворными метеоритами, лилово-голубое небо над полем. И шум воды – где-то впереди, практически на горизонте, ввысь ударил гейзер. Достаточно близко, чтобы обострённый слух это уловил, но достаточно далеко, чтобы переживать из-за возможной опасности. Некрос принялся медленно выбираться из ямы,

в которую его загнала рухнувшая капсула, помогая костяному псу, подсаживая того выше: разбрасываться таким преданным и полезным животным Ликс не собирался.

Суставы то и дело щёлкали, но пока что подводить своего обладателя не собирались, так что крутой склон некрос преодолел весьма бодро, с наслаждением касаясь действительно сочной, наполненной жизнью травы. Забавно, что ему понадобилось умереть, чтобы снова начать наслаждаться жизнью даже в такие моменты и в подобных мелочах. Вернее, особенно в таких обстоятельствах. Пёс, реагируя на настроение некроса, прокатился по траве – и снова нырнул в яму. Дёрнувшийся было Чумной живо вспомнил, что питомец, вообще-то, умудрился за время его отключки найти себе перекус, а значит выбраться сам вполне способен. Подтверждая, четвероногое чудо – или всё-таки чудовище? – выбралось обратно, виляя тощим хвостом.

– Пойдём. Надо посмотреть, что там с нашими, кхм, собратями по несчастью. И кораблями... Не хотелось бы здесь застрять.

Костяной согласно залаял, ударяя по ногам тонким хлыстом, каким-то чудом не отваливающимся от ходящего ходуном костлявого зада. Некромант даже не вздрогнул, только нога в первый момент почти что подогнулась.

– Показывай давай, чем ты тут питался.

Пёс хрипло гавкнул, уносясь в сторону – спасибо, что не к упавшему кораблю – и выпуская какую-то мелкую живность, чутьё явно говорило о бьющихся сердцах где-то поблизости, слишком маленьких, чтобы быть человеческими, но активно гонящих кровь. Их обладатели совершенно точно ощущали, что рядом с ними находится двуногая угроза, чудовище в кажущейся безопасной оболочке.

Костяной притащил в зубах нечто мелкое, уже не трепыхающееся. Чумной сравнил бы неведомое животное с кроликом или сусликом, но у тваринки был нежный и будто серебристо-лиловый мех, маленькие округлые ушки и длинный пушистый хвост. Охотиться на такое было бы откровенно жалко. По крайней мере только ради мяса, а вот шкурка могла бы представлять больший интерес. Что-то человеческое, не вытравленное инквизиторским воспитанием и слиянием с некромантом, шевельнулось на миг.

– Докатился, зверей жалею больше, чем людей... Да не ругаюсь я на тебя, не ругаюсь, – отозвался он на жалобный скулёж костяного пса.

Тот продолжил нести свою добычу в пасти, явно планируя накормить ею неразумного хозяина, неспособного самостоятельно позаботиться о своём пропитании. По крайней мере, какое-то решительное выражение на морде наводило именно на такие мысли. Некромант хмыкнул: как бы самому лаять не начать, если вынужденное общение исключительно с псом затянется.

Люк “Неунывающего” поддался со скрипом, и то только потому, что некрос умудрился подцепить его какой-то деталью, отвалившейся от корабля. Если бы не разгерметизация, то и не вскрыл бы, а так эта консервная банка была уже с пробоиной, позволяющей доковыряться до содержимого. Зато теперь он мог быть уверен, что пёс нажрался не человечины, пусть сейчас и порывался это сделать.

– Фу, нельзя! Я всё понимаю, но людей – не в моём присутствии.

“Хозяин совсем дурной стал, никак в себя не придёт”, явственно читалось на тощей морде, но послушаться некроманта животному всё-таки пришлось. Мало ли, оставят ещё где-нибудь, а ему так нравилось изучать новые места и охотиться на новую живность! Всё лучше, чем на кладбище, где ни еды, ни развлечений. Пёс фыркнул, виляя хвостом, и пристроился сбоку от владельца, подстраиваясь под его шаг. То, что некрос выглядел тощим мальчишкой, его не смущало, костяной прекрасно чувствовал нутрянку. А внешность... знал он за века своей жизни нескольких некромантов, постоянно меняющих себе лицо, когда прежнее надоело. С этой братией ориентироваться вообще можно было только на магический отпечаток. Ну, пожалуй кроме пары вожаков, по мнению пса, те почему-то менять лицо не умели.

– Чувствуешь? Нас кто-то ждёт.

Странное ощущение, вроде бы похожее на зов жизни, но в то же время им не являющееся, захватило внимание Ликса. От недобитка пахло магией, уж этот смрад бывший инквизитор – если инквизиторы, конечно, бывают бывшими – узнал бы среди сотен и тысяч. В памяти предшественника нашлось и подходящее заклинание, на удивление простое, даже изящное, так что отказывать себе в удовольствии подстрелить двух зайцев сразу он не собирался. И подпитается чужими силами, и ещё одного мага, не первого, и даже не пятьдесят первого на своём счету отправит на встречу с предками. Сплошные плюсы, сплошные удовольствия и радости жизни.

Перед каждым поворотом некромант замирал, прислушиваясь к ощущениям, но других недобитков в корабле не было, кроме того, фонящего силой и травмами, ждущего, пока по его душу придёт перехваченное в космосе чудовище. Что-то мешало ему выбраться из помещения, в котором его заблокировали.

– Как думаешь, – Ликс обратился к псу, – это просто калечный маг или оператор?

Сама идея операторов казалась Чумному чем-то странным, с одной стороны крайне милосердным, а с другой – жестоким до абсурда. В кораблях, оснащённых полумагическими системами управления, размещали тяжелообольного, покалеченного мага, окутывая того системами жизнеобеспечения. Тот становился чем-то вроде второго интеллекта корабля, уже живым, а не искусственным. Получал возможность продлить своё существование, даже мир посмотреть, в некоторых случаях и родственникам за такое денежные отчисления шли. Но ни крушения судна, ни отсоединения от его систем тот уже пережить не мог. Да и повреждения корабля ощущались такими операторами как свои собственные.

Пёс согласно заворчал на второй вариант. Вот и Ликс больше склонялся к этому. Каюта оператора открылась сама, но заходить в неё некромант не спешил, пока из полумрака чего-то, похожего на медицинский блок, не раздалось хриплое:

– Сделай уже то, за чем пришёл. Добей меня.

– Какая покорность, – протянул некрот, привалившись плечом к проходу. – Настолько устал жить? Сколько твоему семейству обещано после твоей смерти?

– Раз я последняя на корабле, – протянули полувопросительно, продолжая только после кивка Ликса. – Тогда всё состояние “Неунывающего братства”. Я на такую удачу и не рассчитывала.

Только по окончаниям слов оператора удалось понять, что перед ним девушка. Или женщина. Сходу определить не получалось, настолько измотанным было тело, сухим, едва дышащим. Даже голос напоминал скорее шелест песка или тихий шорох наждачной бумаги, что-то невнятное. Что ж, добить в этой ситуации будет даже милосердно, хотя мысль о милосердии к магу, даже в таком формате, вызывала отвращение.

Ликс опустился на край койки, стараясь не запутаться в ворохе проводов, кое-как работающих на остатках батарей. Выглядела магичка откровенно жалко, ещё не настолько, чтобы начать испытывать брезгливость, но уже весьма близко к этому. Некрот протянул ладонь к худой груди, опуская ту ровно над сердцем. Оператор улыбалась ему с потрясающим спокойствием и смирением, с таким лицом уходили из жизни старые инквизиторы – с полной уверенностью, что сделали для человечества всё, что могли, и даже больше. Видеть подобное у магички было странно, обычно колдуны отправлялись в мир мёртвых с гримасой ненависти на лице.

– Давай уже. Я очень устала, а мои родители теперь смогут не выдавать сестру замуж, а дать её сперва возможность выучиться.

Ликс вздохнул, принимаясь читать подсказываемые памятью слова, ощущая, как магия сгущается вокруг, опускаясь на плечи потоком раскалённого металла, обжигая, растворяя в себе. Но не принося ему боли, скорее, странное удовольствие от поглощения чужой силы, кото-

рая пойдёт на его восстановление после неправильного воскрешения, слишком резкого, слишком тяжёлого, очень уж старались его упокоить раз и навсегда. Самостоятельного воскрешения! Где это видано, чтобы кому-то пришлось самому себя откапывать?

Смерть магички даже на вспышку не потянула, слишком уж давно та была одной ногой в Серой долине, так что ничто не могло отвлечь некроманта от переваривания чужой силы. Почти ничего, кроме смутно зудящего изменения в магическом поле планеты. Словно сюда направлялся кто-то крупный, какой-то хищник, с которым ему пока не по зубам справиться. Пока! Но до момента возможной победы ещё нужно дожить.

Следует ли ему выбраться из корабля и попытаться найти укрытие там, или лучше затаиться где-то в переходах “Неунывающего”? И в первом, и во втором случае что плюсы, что минусы были такими зыбкими, сомнительными, что Ликс не мог определиться. Пёс, которого он попытался отослать – уж тот-то с большей лёгкостью нашёл бы себе убежище – отказался покидать хозяина.

– Я не буду полагаться на инстинкты, я же не животное какое. Но вот покараулить нашего гостя я не откажусь. Посмотрим, кто же пришёл проверить потерпевших крушение, да, пёс?

Костяной согласно гавкнул, забираясь под койку, на которой рассыпалось прахом тело оператора. За проводами и аппаратурой животное видно не было, а вот некросу предстояло найти себе хоть какое-то убежище. Вот та балка под потолком выглядела весьма привлекательно. Главное, чтобы выдержала его вес до конца...

Новое знакомство

– Глейд, ты уверен, что стоит брать его на борт? – боец, помогавший командиру укладывать в карцер неожиданную находку и таскавшуюся следом тощую псину, нервно повёл плечом.

– Я тебе больше скажу, я уверен, что я пожалею об этом, – капитан “Галактической горгульи” обречённо вздохнул. – Но других вариантов у нас нет. Приведём в разум – от него будет и польза. Тем более, что мы давно искали штатного колдуна.

Матово блеснул лицевой щиток – Глейд нашёл взглядом свою неожиданную проблему. Не сказать, что от наполовину покрытой гейзерами планеты он ждал чего-то хорошего, но и некроманты в этой части космоса практически не появляются, предпочитают в последнее время сидеть у себя на Зиланделиксе. А он вот нашёл одного, да. Нашёл на свою голову...

В буквальном смысле на неё – когда “Горгульи” забрались в потерпевший крушение корабль, резко выделяющийся на поверхности планеты, с потолка упало нечто. Капитан мог бы подумать, что обвалилось что-то из обшивки модуля, если бы в следующий момент кто-то не попытался сорвать шлем с его головы, почти соскальзывая и цепляясь за части доспеха.

Рефлексы оказались быстрее разума, кости нападающего затрещали при ударе о стену, но тот не остановился, продолжая барахтаться как земной кот, соскользнувший в воду. Правда некрот оказался покруче реликтового зверя с родины человечества. Даже ушёл от пробных выстрелов, хрипя, как разъярённое животное. С другой стороны Глейд тоже не первый год по космосу скитался. Выживать умел. Да и броня позволяла отправить в забвение даже некроманта, если знать, куда бить. Зиланделиксиец обмяк, ещё не зная, что через пару часов его ждёт большой сюрприз.

Пришедший в себя Ликс сразу понял, что находится где-то в открытом космосе, возможно что и в подпространстве, но определить наверняка ему мешало отсутствие хоть какого-то обзора, он только безошибочно ощущал искусственную гравитацию. Костяной пёс под боком тоскливо заворчал, ему не нравилось тесное помещение, блокирующее магию, да ещё и отвратительный человек в железе весьма неаккуратно его сюда закинул. Некрот сел, рассматривая место – но смотреть было не на что, самый типичный карцер, разве что предназначенный специально для магов. На руках дополнительные подавители, видимо, чтобы точно не сбежал, те блокировали выброс магии из тела. Одна из стен отполирована так, что может служить зеркалом – и именно ей колдун воспользовался, чтобы привести слишком примечательную внешность в порядок, слепить из мальчишки что-то более похожее на прежнего Чумного, благо, что такие изменения не требуют выплеска магии наружу. Разве что короткий ёжик волос остался ярко-красным, почему-то справиться с самой раздражающей и самой приметной деталью некромантской внешности у него не вышло.

– Ну что, дружок, – он потрепал пса по голове, пытаясь разобраться с гулом в ушах, после попытки проломить им стену, – будем разбираться, куда нам с тобой выдали билет...

– Зависит от твоего поведения, некрот.

Ликс через всё то же отражение наблюдал за прошедшим в люк человеком исполинского роста. Некромант не удержался, оскалив острые зубы в подобие улыбки: профессионал, накачанный зельями и чудесами медицинской промышленности по самые уши, а уж в доспехах и вовсе возвышающийся над людьми на пару-тройку голов. Чумной в своём прошлом теле наверняка бы смотрел на такого собеседника задрал голову. Что примечательно, магией от него вообще не пахло, скорее каким-то подобием инквизиторской силы. Свое, практически родное – и теперь обжигающее до самой сути.

– Смотря что от меня хотят. И кто хочет: официальный инквизиторий разумных рас или энтузиасты?

Содружество разумных рас, вообще-то, магов как класс не притесняло, уж об этом его предшественник знал наверняка, но с поехавшими на фоне собственного величия разбирались сразу, безо всяких вторых шансов. Иногда проходясь по ближайшему окружению, из-за чего местные колдуны предпочитали проблемы со своими отступниками решать самостоятельно, не дожидаясь внешней помощи. В этом случае официальный инквизиторий довольствовался доказательствами решения проблемы, не вмешиваясь во внутренние разборки магических орденов и гильдий. А вот всякие вольные объединения уже руководствовались собственными соображениями, иногда выходящими за рамки законов Содружества. Но стоящий перед Ликсом боец явно представлял партию не совсем отбитых магоненавистников, раз ведёт с ним переговоры. Ну, или из него сейчас начнут выбивать информацию о других колдунах.

– О “Галактических горгульях” слышал? – Глейд похлопал по нашивке на плече.

– Наёмники из бывших инквизиторов, не ужившихся с высоким начальством? Слышал, – он облизал лопнувшую губу, отвлекаясь от рвущегося наружу комментария о бездарных идиотах, променявших благое служение на роль пусть и элитной, но всё же шлюхи.

– Как погляжу, некромы умеют общаться предметно, а не только говорить всем гадости, демонстрируя огромное эго?

– Боюсь, если мы займёмся письюмерством, то твое эго скукожится до размеров горошины, – Чумной не любил подобных реплик ещё в той жизни.

Как и комментариев “в никуда”, и тычков носом в собственные недостатки, и... Ладно, в каком-то смысле Алексей был практически эталонным зиланделиксийцем, уж в плане характера тоже. Хотя после пары-тройки... десятков зуботычин всё-таки научился вовремя закрывать рот. И ведь, казалось бы, смирению его должны были научить в первую очередь, но каким-то чудесным образом не срослось. Не иначе мерзотный характер матери-ведьмы дал о себе знать, не иначе. Наезжать на глыбу мяса, находясь в подавителях, было по меньшей мере глупо, однако “горгуля” только усмехнулся:

– Интересно, тебя как положено после первой смерти прикопали, чтобы потом как урожай вытащить обратно, или пытались избавиться за длинный язык? Ладно, – он посерьёзnel, – с этим потом разберёмся. Раз ты в курсе, чем горгульи занимаются, я могу перейти сразу к делу.

– Можешь не стараться, я согласен участвовать в любой сомнительной заварушке, если мне не будут мешать избавляться от соотечественников. Всех, кого достану.

Если прежний некромант и осел где-то на задворках его личности, то сейчас этот озлобленный мальчишка вылез на первый план, горя желанием осуществить свою месть, причём явно ещё кому-то, кроме собственно правящей семьи. Надо будет порыться в воспоминаниях внимательнее, когда появится время, а то не хватало ещё вляпаться из-за очередного бесконтрольного импульса, доставшегося по наследству. Часть, доставшаяся Ликсу от Чумного, в целом проблемы в присоединении к “Горгульям” не видела, их идеалы достаточно сильно совпадали с инквизиторскими, но ему не шестнадцать лет, чтобы вот так кидаться в авантюру сразу же, даже не поторговавшись.

– Удивительная сговорчивость для кого-то вроде тебя. Хотя я догадываюсь, что тебя подтолкнуло, Эл...

Глейд внезапно будто воздухом подавился. Ну да, лишение права на имя, оформленное полноценным магическим ритуалом – это вам не шутки. А с учётом того, что даже техника в этом мире тесно связана с магией, он и в базах данных теперь фигурирует исключительно под индивидуальным номером. Предшественник не знал наверняка, но вроде бы он в ближайшие пару лет даже новое имя себе придумать не сможет, а подавать заявку на восстановление имущественных прав на Зиланделиксе, кажется, ему запрещено в принципе. Содружество несколько столетий боролось с этой “дикостью и нарушением всяких прав разумных существ”, конец цитаты, но король планеты, до сих пор ею управляющий, кстати, заявил, новая цитата,

“что эти смертные могут хоть усрать, а некроманты будут наказывать так, как считают нужным”, снова конец цитаты.

– Понял, конфликт какой-то серьёзный, – мужчина прочистил горло. – Сейчас давить не буду, но после всё равно спрошу. И, уж извини, подавители я с тебя не сниму, пока ты не принесёшь все нужные клятвы.

Сговорчивость некроманта могла бы удивить, если бы не доказательства такого серьёзного наказания – просто так в правах не поражают перед закапыванием. И пусть слухи о выскочке, полезшем в королевские дела, разошлись по галактике на сверхсветовой, детали зиланделиксийцы охраняли весьма надёжно. Ничего зазорного в том, чтобы воспользоваться ситуацией и с помощью беглеца проредить зазнавшихся колдунов Глейд не видел. В конце концов, у них действительно слишком давно нет штатного мага, а этого сдержат клятвы. Ну, и, конечно, его всегда можно будет прибить, если что-то пойдёт не так. Оптимальный вариант в их ситуации, раз инквизиторские выкорыши вертят носом, предпочитая свои обжитые планеты центра, а объединение магов считает зазорным сотрудничать с обычными смертными.

– О, я бы разочаровался, если бы меня отпустили вот так сразу. Можете звать меня...

Тело Ликса вдруг выгнулось дугой, а закотившиеся глаза начали вновь различать пусть весьма смутные, но всё-таки очертания междумирья, в котором он познакомился со своим предшественником. Что-то пыталось вырвать его душу из тела, разорвать связи, удерживающие некрота среди живых. И не будь на нём сейчас подавителей, у неизвестного бы могло получиться, всё-таки смерть колдуна всегда предполагает выплеск магии. Панический визг костяного пса и негромкие команды Глейда по внутренней связи он уже не слышал, поглощённый образами, пришедшими откуда-то издалека.

*

– Ну, что я могу тебе сказать, – инквизитор вынырнул из транса, – он жив, но не здесь. Я не могу понять, куда его занесло, но душа не ушла на новый круг. Он как бы и не мёртв, но и вернуть сюда его не получится, по крайней мере у меня. Да и вырывать принудительно из тела...

Потомок того самого инквизитора-воскрешенца из сороковых покачал головой. Пусть по внешнему виду Кира никто и предположить бы не смог, что тот как-то связан с шаманами, но в московском отделе инквизиции предпочитали обращаться именно к нему, если возникала необходимость в подобных практиках. Проще было закрыть глаза на некоторые отклонения от устава со стороны проверенного инквизитора, своего, родного, прошедшего с тобой огонь, воду и медные трубы, чем допустить до внутренних дел кого-то постороннего. КирМефодич, как все пятнадцать лет их знакомства звал его Чумной, убрал ладонь со лба младшего товарища. Пусть он и не был полноценным шаманом, и возраст у него по шаманским меркам был весьма юным, да и работа накладывала определённый отпечаток, отслеживать пути души вне тела он умел превосходно. И увиденное ему не нравилось.

От души Алексея тянуло могилой. Но не в том смысле, что он был мёртв, нет, у покойников, и зависших между жизнями, и ушедших на новый круг запах весьма ощутимо отличался от того пробирающего до костей духа некротики, который Кир уловил буквально только что. Даже если Чумной и вернётся, то... Вот уж действительно начнёт оправдывать прозвище, потому что избавить его от этой магической чумы получится только умертвив. Вообще-то в таком случае устав требовал сжечь тело, чтобы не дать вернуться уже магу в этот мир. Кир отвернулся от безжизненного лица, заставляя себя отвлечься, хотя бы пересобрать ослабший хвост, стянуть русую гриву потуже. Недошаман-полуинквизитор попытался прислушаться к немногочисленным духам этого места, попробовал почувствовать вероятное будущее, но всё словно тонуло в вязкой трясине. Не было ничего, что он мог бы сделать, как он мог бы повлиять на события, добиться их определённости. Что ж, тогда он не будет вмешиваться. Он скажет правду. Ту её часть, что не столкнёт лавину.

– Что-то почувствовал? – вертящийся у входа Андрей не выдержал тишины, готовый завалить вопросами, пока Афанасий не пришёл за полноценным отчётом.

– Ничего определённого. Он завис где-то там.

– И? – с намёком на какое-то решение, на более конкретный ответ протянул инквизитор.

– Что “и”? Нам остаётся только ждать, мы никак в это влезть не сможем. Только если кремировать и лишить возможности вернуться в этот мир. Рассматриваешь такой вариант? Добрый день, – Кир кивнул кому-то за спиной Андрея.

– Я пока что тоже такой вариант не рассматриваю, – главный инквизитор Москвы шагнул в камеру, дополняя свою первую фразу. – Если, конечно, есть гарантии, что кроме него никто занять тело не сможет.

– У души остались с ним связи, всё-таки при всех своих, кхм, особенностях, – аккуратно обходя слово “магия” отозвался молодой мужчина, – шаманом он не был, полностью отдаться ему не дано. На данном этапе мы можем быть свободны. Вот если начнут проявляться признаки разложения, тогда да... Можно начинать беспокоиться.

Инквизиторы посмотрели на неподвижное тело. Безжизненное, но ни капли не изменившееся с момента “смерти”, даже кости, как свидетельствовали обследования, потихоньку срастались, так что по решению Афанасия сегодня Чумного перенесут в закрытую палату. Может, восстановление родного тела как-то поможет перетянуть инквизитора в этот мир.

*

– Ты его пришиб что ли? – Гито заглянул через плечо командира, рассматривая лежащего в явно не самой естественной и удобной позе некрота.

– Приступ. Если верить справочнику, – Глейд кивнул на краткую выжимку, предоставленную корабельным медиком, – совершенно нормальное явление в первые недели после воскрешения. А этот, судя по сводкам, откопан был от силы пару дней назад.

Капитан “Горгулий” посмотрел на кончики собственных пальцев, с которых слезала кожа, не так мощно, как при возможной атаке магией, но взбунтовавшийся фон вокруг тела колдуна, которого Глейд нёс в медблок, всё-таки его задел. Благо, что ускоренная регенерация успешно с этим справлялась. Была ещё одна проблема, но больше бытового характера: пока он тащил некроманта по коридорам, удар сырой силой – а подавители пришлось снять, те разлетелись, не выдержав напряжения магии – зацепил пищевое хранилище. Убытки не критичные, но заметные. Он вывел на экран изображение из кухни, а рядом развернул окно обзора столовой.

Экипаж вяло ковырял мясное рагу. Впрочем, от мясного в нём было только название. И совсем немного – запах. Воспоминание о команде капитана вновь всплыло в головах поваров, почти начавших оправдываться. Те подобрались: недовольство начальство было страшнее недовольства вояк.

– Где мясо?!

– Нету.

– Как нету, если перед отправкой загрузили полный отсек?!

– Стухло.

– Да чёрную дыру тебе в жопу!

– Вот при прохождении через неё и стухло! Не приставай – специально в твою порцию плюну в следующий раз! – не выдержали чьи-то нервы.

Капитан прикрыл глаза, заставляя себя проглотить рвущуюся наружу матерную тираду. Ладно, на дополнительную изоляцию от пошедшего в разнос колдуна так и так пришлось бы потратиться, просто укреплять придётся ещё и кухню. На краю сознания маячили сомнения, действительно ли стоило брать с собой именно некроманта. Но он уже вязался в эту историю и попытается выжать из нелюди максимум. Но для этого зиланделиксийца нужно привести в чувство. И не попасться на зуб его псине, которая от хозяина не отходила ни на шаг, внимательно наблюдая за манипуляциями врача с выражением старого профессора, принимающего

экзамен. Взгляд у тощей твари был настолько осознанным, что Глейд впервые не стал отмахиваться от животного. И даже велел выделить ему что-то из еды, отношения надо налаживать. Глядишь, и подумает, прежде чем вцепиться ему в глотку. Мало ли что.

Псина, почувствовав внимание, повернула голову к капитану. И тут и он, и Гито готовы были поклясться на алтаре всех богов, что некромантская зверушка одобрительно кивнула. И даже подмигнула мутноватым глазом.

Оператор

– Да уж, подобрали вы конфетку, – грубоватый, но явно женский голос врезался в мозг Ликса, одновременно с возвращением в сознание. – Надеюсь, он хотя бы немой? А то знаете, как говорят: “Некроманта за двадцать не интересуется твоя жопа. Его интересуется твой мозг, потому что его хотя бы он сможет выебать”.

– О, детка, ради единственной дамы на этом судне я найду жертву для ритуала. И ты убедишься, что выебать я могу не только мозг, – некрос шевельнулся, едва ли не матерясь в голос.

Попытка вырвать из тела и странные видения из родного мира могли бы выбить его из колеи, если бы тот имел чуть большую склонность к рефлексии. По крайней мере, именно этим заумным словом Афанасий называл напрасные самокопания. Бывший инквизитор пошевелился, усилием воли загоняя позорную слабость подальше, и открыл глаза. Говорившая оказалась девицей на полголовы выше его нынешнего тела, обладательницей бритых висков с характерными пластинами, вживлёнными в голову. Местный оператор. Возможно, что не единственная, это мелкие банды по типу команды “Неунывающего” выжимали из них все соки, а крупные полулегальные братства вроде “Торгулий” могли себе позволить и десяток операторов, которых холили и лелеяли.

Но взгляд Чумного привлекла не бунтарская причёска, совершенно типичная для местных технопатов. Взгляд Чумного прикипел к внушительному бюсту. И пусть он видел девиц различной степени фигуристости вообще и сисястости в частности, а некоторых даже мацал – благо, что уставом не возбранялось – но ни в одном случае грудь не привлекала к себе столько внимания. Возможно потому, что в целом смотрелась очень... внезапно на технопатке в остальном выглядевшей как бульдозер. Нет, положила руку на сердце, кому-то оператор могла прийти по вкусу, да и бульдозером она была больше на фоне тщедушной зиланделиксийской тушки, но первое впечатление было неоднозначным.

– Я, конечно, спишу, кхм, подкаты к моей дочери на неадекватность после воскрешения, но только на первый раз, – под взглядом Глейда продолжать в том же духе почему-то расхотелось.

Возможно потому, что у Чумного осталась какая-то часть инстинкта самосохранения, притащенная в этот мир после перерождения. Зато теперь он мог ясным взглядом сравнить стоящих перед ним людей, чтобы заметить очевидное сходство. Конечно, будь его нынешнее местоположение покрепче, он бы не стал отказывать себе в удовольствии отпустить пару комментариев, но у тощего некроманта шансов не было. По крайней мере, пока он не подгонит эту тушку под себя, что-то подсказывало, что есть методы. Возможно, что он даже сможет их найти в доставшейся по наследству памяти.

– Понял, не дурак, – но в воздухе так и повисло безмолвное “При тебе этого делать больше не буду”.

Глейд произнесённое явно уловил, но развивать тему не стал. Пока что. Хотя дочери кивнул на выход, рассматривая отцепляющего от себя датчики и капельницы некроса. Ликс с довольным вздохом избавился от последнего катетера, разминая руки: дальше он и сам восстановится, даже на минимальном пайке. Но вот чего-то всё равно не хватало, заставляя оглядывать палату.

– Что ищешь?

– Собаку свою.

Стоило ему упомянуть животное, как то выползло из под койки, укладывая морду на колени некроманта. Пёс успел отъесться, судя по наросшему мясу и сильно погустевшей шерсти, теперь уже длинной, непривычного дымчато-серого оттенка. Только под определённым

углом освещения можно было рассмотреть, как переливаются более светлые участки, образуя узор вроде скелета. Надо бы подумать над кличкой, нормальной кличкой.

– Твоя животиная – редкостная попрошайка, ты в курсе?

– Я даже не сомневался. Итак, на чём мы остановились до того как нас, кхм, прервали? – он выпрямился до хруста позвоночника, глядя в глаза Глейду.

– На том, что нам нужен колдун. Не оператор или целитель, а более-менее боевая единица. И, если ты забыл, то напомним, что ты практически согласился, – глава “Горгулий” тяжело опустился на стул.

Корабельная гравитация может и была слабее стандартной, но нагрузка на позвоночник у громадного мужчины всё равно была значительной, с ней приходилось считаться. Даже в броне, при кажущейся тяжести и неудобности, было легче – экзоскелет здорово упрощал жизнь, вот только Глейд хорошо помнил слова медиков и не злоупотреблял. Любая поддержка рано или поздно приведёт к тому, что собственные мышцы разленятся и не будут работать правильно, не будут держать тело. Хотя в последнее время всё чаще посещала мысль начать иногда и по кораблю в нём ходить.

– Я помню. И чем вы занимаетесь, и что в целом я согласился. С тем условием, что все соотечественники – моя добыча, – он едва удержал лицо, настолько ненависть предшественника к другим уроженцам Зиланделикса въелась в каждую клетку тела.

– До тех пор, пока это не является угрозой для “Горгулий”. Если твои личные разборки станут проблемой для нас, ты или наступаешь своим желаниям на глотку, или тебе на глотку наступаю я. В полной броне. Этот момент ясен? – капитан ссутулился, чтобы глаза оказались на одном уровне с некрсом.

– Ясен. Я постараюсь, – Ликс выделил последнее слово максимально ярко, – не создавать проблем. В конце концов, у нас тут взаимная выгода.

– Рад, что мы поняли друг друга. А теперь, – Глейд откинулся на стену, рассматривая неожиданное “приобретение” уже более мягким взглядом, – расскажи о себе. И скажи, как к тебе обращаться, раз уж настоящим именем воспользоваться не удастся.

– Ликсом называй, – некрс отвлёкся на лезущего к нему на колени немаленького пса, уже весьма тяжёлого. – А это... Константин.

На губы колдуна напозла мрачная усмешка. Было что-то по-своему ироничное в том, чтобы назвать костяного пса именем нынешнего императора. Нет, против самого монарха Чумной ничего не имел, но подозревал, что причина у этого порыва есть. Может, дело в смещении желаний? Его и покойного некроманта? Но звучит, по крайней мере, весьма логично. Ликс потрепал густую шерсть, с удовольствием зарываясь в неё пальцами. Пёс заворчал, устраиваясь поудобнее, подставляясь под почёсывания.

– Итак, как же ты дошёл до жизни такой? Не считая попытки оживления королевской дочери.

– Ну, тяжёлое детство, каменные игрушки и люлька без дна. Всё как у всех.

– Поставлю вопрос иначе: есть что-то, о чём мне следует знать? Что-то, что хотя бы в перспективе может стать источником проблем? – Глейд прищурился, скрывая светлые, практически белёсые глаза за ресницами.

– Гипотетически, – некромант расслабленно откинулся на подушку, – если станет известно, что я жив, могут прийти по мою голову из-за делёжки наследства. Но тут даже не “если”, тут “когда”...

– Спасибо, что сказал сразу, – в голосе капитана послышалась лёгкая издёвка, впрочем, совершенно оправданная. – Ладно, разберёмся. Через сутки тебя выпишут, познакомлю с командой.

Ликс не обманывался спокойствием Глейда, более того, он буквально кожей чувствовал направленное на него откуда-то со стороны внимание, весьма концентрированное, к тому же.

Вероятнее всего капитанская дочь пришла посмотреть на некрота живьём, чтобы координировать остальных операторов. Уединения на корабле он вряд ли дожждётся, пока не заслужит доверие – но это как раз-таки естественное положение дел. Да и в целом его держат пока из принципа “враг моего врага”, у “Горгулий” исторически сложные отношения с некромантами, уходящие корнями ещё на пару столетий назад как минимум, к истокам братства. Впрочем, некроманты-отступники в таких объединениях уникальным явлением не были.

Некрот прикрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям, идущим от живых существ. Инквизиторы на его родине могли делать нечто подобное, но ощущали только магически одарённых, а здесь будто каждое бьющееся сердце было точкой на карте. Была одна штука в арсенале предшественника, которую хотелось опробовать, и раз уж есть время и силы...

Он сосредоточился на одном из сердец, для начала выбирая человека поближе, буквально через пару перегоорок. Соседний медицинский блок. Ликс усилием воли сосредоточил всё внимание на сердцебиении, заставляя себя слышать только его, лишь спустя несколько ударов расширяя восприятие. Скрип мебели. Звон инструментов, укладываемых в стерилизатор, запах лекарств, щекощущий нос и глотку. Едва различимый шорох чужого дыхания, определяемый скорее ощущениями в теле, чем звуком. И тихая музыка, звучащая с потолка. Кажется, кто-то любит работать с сопровождением. Некромант довольно изогнул губы, возвращаясь в себя, пытаясь определить навскидку, сколько сил уходит на такое “подглядывание”.

Выходило, что не очень много, подцепиться к кому-то так и вовсе было проще, чем наоборот снова стать собой. Он даже продолжал слышать удары чужого сердца ещё несколько секунд. И ведь кто-то скажет, что несколько секунд – ничто. Вот только в бою они могут стать критичными. Да и выпадать из происходящего вокруг на время “подселения” тоже не слишком полезно. Что ж, ему нужно будет этим заняться. Но сперва – приведение тушки в порядок, Ликс пусть и убедился в собственной живучести, но каждый раз сращивать кости и восстанавливать повреждённые мышцы не слишком приятно. Он с куда большим удовольствием потратит время на выискивание других некротов, чем на лежание в медблоке без сознания, или, того хуже, закопанным под землю для лучшего восстановления.

С ростом поработать сейчас не получится, слишком истончаются при этом кости, нужно сперва массу набрать, а вот закончить перекраивать лицо он сможет и сейчас. Истощение несколько откатило полученные изменения, так что придётся приложить усилия для закрепления результата. С лепкой, правда, у Чумного были проблемы, зато он неплохо помнил своё настоящее лицо, пусть и больше на ощупь, так что что-то похожее у него должно выйти. Хотя бы отдалённо. Он хоть и не был визуально сильно старше своего предшественника, но и выслушивать про “конфетку” каждый раз было бы выше его сил.

– М-да, художник от слова... Ну, зато даже симметрично. И кажется почти похоже. Твою мать! – Ликс замер, пережидая, пока перестроятся зубы под новую челюсть.

В какой-то момент был даже уверен, что сейчас выплюнет весь набор и просто вырастит новый, но нет. Те пощёлкали, во рту остался отчётливый привкус крови, но после всё встало на свои места. Он даже пересчитал, дважды: сперва языком, а потом всё-таки засунул палец в рот, проверяя комплектность. Тридцать два, даже зубы мудрости в полном составе. Это радовало. Некромант ещё несколько раз пошевелил подбородком, в целом погримасничал, убеждаясь, что лицо работает правильно, рассматривая при этом своё отражение. Вроде бы получилось нормально. В конце концов, он просто поменял черты, а не добавил себе третий глаз, капитальных последствий быть не должно.

Пёс, всё ещё лежащий на ногах некрота насмешливо фыркнул. Люди такие странные.

*

А тем временем передел наследства был куда ближе, чем нашему герою могло показаться. И в то же время куда дальше. В кабинете главного инквизитора Москвы и Московской губернии сидели трое: непосредственно владелец кабинета, полуинквизитор-недошаман Кир и при-

сланный Великим князем адвокат “очень широкого профиля”. Да и сам Михаил Алексеевич обещал присоединиться к обсуждению, как только закончит с делами за пределами города. Обладатель фамилии, вызывающей невольную усмешку, адвокат Иванов-Штольц, сперва к заявлению о происхождении одного из инквизиторов отнёсся весьма скептически. Да и интересы Афанасия вызвали у него закономерные для данной ситуации вопросы.

– Знаете, будь на вашем месте кто-то другой, я бы заподозрил личную выгоду. Но и сейчас у меня есть основания её подозревать. Допустим, происхождение мы подтвердим, на такой случай есть и банк образцов, и уже расшифрованные данные. Но заявление о застрявшей душе – это вздор. Заметьте, это говорю я, человек, у которого в семье самые разные религии сплелись!

– Можете вызвать шаманов из профильного ведомства, уж их-то квалификация у Вас точно вопросов не вызовет, – Кир понимал причину сомнений, но менее обидными эти слова из-за своей логичности не становились. – И они Вам подтвердят мои слова, что Чумной ещё жив, просто застрял между мирами.

– Кир, – Афанасий мягко осадил подчинённого взглядом, – никто не сомневается в твоих талантах, просто с точки зрения постороннего человека, не погружённого в нашу кухню, версия выглядит несколько странно. Им сложно подобное допустить, вот и всё. Прояви понимание.

Тот кивнул, но взгляд не смягчился, а рассматривающий инквизиторов адвокат лишь мысленно покачал головой: какая же противоречивая братия, эти борцы с колдунами! Способные одновременно и забыть о собственных интересах, и влезть в какую-нибудь авантюру ради выгоды. Вот и сейчас, казалось бы, зачем бодаться за наследство недавно почившего аристократа, даже если его бастарда когда-то подкинули на инквизиторский порог? Для состоящих на этой службе всё равно ведь есть ограничения по владению имуществом. Значительная часть просто опечатывается или блокируется, если речь идёт о счетах, до выхода на пенсию. Которого чаще всего и не происходит.

– Я прекрасно понимаю ваши переживания за судьбу товарища, но ведь даже не факт, что он придёт в себя! Вам так хочется из-за этой теоретической возможности бодаться с европейской ветвью семьи?

– Да. Почти тридцать лет назад я взял на себя обязательства заботиться о каждом инквизиторе, оказавшемся под моим руководством. И Алексей здесь не исключение.

– А не проще ли будет договориться с наследниками второго порядка? Разделить причитающееся, ему и десятой части хватит за глаза! С такой-то наследственностью с материнской стороны...

Он подавился словами под взглядами инквизиторов, хотя и о покойнике Иванов-Штольц мог бы сказать немало. Для него любители колдунов и ведьм были теми ещё извращениями, да и приплод от них он за полноценных людей не считал, пусть иногда и приходилось держать свои взгляды при себе. Но до этого момента адвокат справедливо полагал, что в инквизитории должны придерживаться схожей позиции.

– А мне напомнить вам о количестве официально признанных носителей магии в правящей династии? – ядовито улыбнулся Афанасий, через мгновение вскакивая. – Михаил Алексеевич!

– Удивительная неосторожность для кого-то, работающего в нашей среде, – голос Великого князя раздался над головой позеленевшего адвоката. – Напомнить вам, что зарегистрированные законопослушные маги живут той же обычной жизнью, что и прочие подданные? И такое отношение к своим же согражданам отдаёт чем-то очень, очень нехорошим.

– Помилуйте, Михаил Алексеевич, я ничего подобного не...

– Вы уже не в первый раз на таких высказываниях попадаетесь. Возможно, этим вопросом следует заняться другой службе. И другом человеку – решением вопроса с наследством князя. Мне было бы даже жаль расставаться с вами, всё-таки столько дел с вами прошли, столько

общих воспоминаний... Заберите, пообщаемся с ним отдельно. Господа инквизиторы, вы же пока проводите меня и представителей шаманского объединения к нашему, кхм, камню преткновения.

– Да-да, конечно, пройдёте! – засуетился Афанасий, прихватывая с собой Кира.

Может шаманов, как и магов, инквизитор не слишком любил, но всё-таки в отличие от наравшегося адвоката умел разделять личное и служебное. Да и если подвернётся возможность спровадить Кира на обучение, он будет только рад. Может и в целом им стоит пересмотреть отношение к колдунам в своих рядах. Это будет вполне в духе времени.

Вам здесь не рады

– Здравствуйте, – только и выдавил из себя Ликс, войдя в столовую.

Найти-то её труда не составило, такое количество живых существ в одном месте, да и разведать обстановку своими “подселениями” он успел. Но одно дело знать, как выглядит место и где оно находится, а совершенно другое – заявиться к толпе посторонних существ, до сих пор фоня сырой некротикой. Обычно люди от такого пытаются в панике разбежаться, а эти ничего, держатся.

– Ликс! Иди сюда! – ему махнули рукой.

Глейд дал дочери типичное для центральных планет содружества имя Элиз, и, кажется, технопатка решила взять некроманта под своеобразную опеку. Обедали горгульи по расписанию, получая стандартную порцию – отклонения там возникали лишь по медицинским требованиям – так что от Ликса просто требовалось есть, что дают, и не уничтожать своей буйной энергией порции окружающих. Успокоившийся за сутки на больничной койке колдун в принципе взял себя под контроль и прекрасно справлялся с обеими задачами. Команда обвела его нечитаемыми взглядами, мрачно посмотрела на свои практически лишённые мяса порции, но ничего не сказала. Ликс посчитал это за хороший знак, начинать знакомство с драки, когда он не уверен в пределах своих способностей, было бы лишним.

Вообще, этот “больничный! здорово помог ему устаканиться в новом теле и сжиться со своей новой личностью. Именно новой, Чумной иллюзиями не страдал и прекрасно понимал, что пусть инквизитор и стал основой, но в некромантском теле уже живёт замес из Алексея и почившего колдуна. Если ничего не исправить, есть ли повод об этом переживать? По крайней мере, он был жив, цел, весьма бодр, а на горизонте маячила возможность и дальше заниматься делом всей жизни. Просить о большем было бы слишком нагло с его стороны, жизнь и так дала ему очень много.

Мысленно пожав плечами, некротос двинулся к забитому для него месту, он и раньше не слишком задумывался о чужом отношении к нему, даже со стороны большинства сослуживцев, сейчас и вовсе рано о таком переживать. Его новый отряд – это местные маги всех мастей, и с этим придётся мириться. Не так уж и сильно наступать себе на горло, на деле, тот же Кир-Мефодыч шаманствовал и на службе в инквизиции. Ладно, раз уж стал тем, с кем боролся, не начинай себя за это грызть. Ликс посмотрел на содержимое тарелки: выглядит неплохо, явно съедобно, а изысков ему и не надо.

– Ты удивительно спокоен, – Элиз задала общий вопрос, переглянувшись ещё с парочкой операторов.

– А все рассчитывают, что я начну скакать по стенам как паук и кидаться на людей? Вынужден вас разочаровать, – некротос успел ополовинить тарелку, но голод будто бы только набирал обороты. – Не дождётесь.

Стадию “хочу есть” он прошёл ещё при выкапывании из земли. Теперь в ближайшие пару месяцев его будет преследовать стадия “хочу жрать”, при том, что у некромантов в принципе сумасшедший обмен веществ – поддерживать жизнь в нёмёртвом-то как-то надо, а уж на этапе восстановления колдуны и вовсе могли гвозди переваривать. И даже без негативных последствий. В желудке у уроженцев Зиланделикса плескалась какая-то ядрёная кислота. Вообще, насколько мог судить Чумной, местные некротосы были теми ещё машинами для уничтожения всего живого в радиусе досягаемости. Как с со своим непомерным эго и практически бессмертием те ещё не превратили галактику в огромный могильник – большой вопрос, если смотреть со стороны обывателя. Впрочем, ответ для себя он дал: здравый смысл. При длительной войне, а она была бы обречена таковой стать, способы избавления от колдунов бы нашлись. А вот рождаемость у тех далеко не завидная, выкосили бы колдунов, и памяти бы не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.